

УДК 346.62

DOI: 10.47351/2658-7874_2020_2_2_68

Понятие и критерии добросовестности в действиях заемщиков кредитных организаций

Мазур Андрей Сергеевич

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Россия
125993, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., дом 9
аспирант кафедры банковского права,
dingo3@list.ru

Аннотация: В статье рассматривается понятие и критерии добросовестности в рамках правоотношений, возникающих в сфере взаимодействия кредитных организаций с заемщиками. Автором проводится анализ категории «добросовестность» в историческом развитии, а также закрепление принципа добросовестности в современном законодательстве. При этом анализируются понятия добросовестного и недобросовестного заемщика, критерии добросовестности в действиях заемщика, соотношение категорий «вина» и «недобросовестность».

Ключевые слова: добросовестность, критерии добросовестности, недобросовестный заемщик, вина.

The concept and criteria of good faith in the actions of borrowers of credit institutions

Andrey Mazur

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Russia
Sadovaya-Kudrinskaya Str., 9, Moscow, 125993
postgraduate student of the Department of banking law,
dingo3@list.ru

Annotation. The article considers the concept and criteria of good faith in legal relations arising in the sphere of interaction of credit organizations with borrowers. The author analyzes the category of «good faith» in historical development, as well as the consolidation of the principle of good faith in modern legislation. At the same time author analyzes the concept of

© Мазур А.С. 2020

conscientious and unscrupulous borrower, the criteria of good faith in the actions of a borrower, and the correlation of the categories of «fault» and «bad faith».

Key words: good faith, criteria of good faith, unscrupulous borrower, fault.

Принцип добросовестности является одной из наиболее дискуссионных тем в науке гражданского права. Добросовестность можно отнести к оценочным понятиям, поскольку оно представляет собой совокупность различных действий, фактов и процессов, характеризующих субъекты правоотношений.

Установление добросовестности либо недобросовестности в действиях конкретного заемщика может иметь для кредитной организации решающее значение для разрешения спорной ситуации, когда, например, нельзя прибегнуть к нормативному обоснованию неправомерности его действий. Добросовестность является, в первую очередь, принципом права и, как все принципы, имеет высокую степень абстрактности и при этом общеобязательность [1]. Это означает, что в отличие от нормы права, имеющей определенную структуру (гипотеза, диспозиция, санкция), принцип не имеет ни формы нормы права, ни степени ее определенности, в связи с чем суды устанавливают добросовестность либо недобросовестность субъекта в каждом конкретном случае в зависимости от фактических обстоятельств дела.

Исторически категория «добросовестность» в римском праве была связана, в первую очередь, с правом собственности, а именно рассматривалась как одна из характеристик владения, в связи с чем все определения добросовестности выводились из связи с владением.

Также в римском праве категория «добросовестность» носила двойственный характер и рассматривалась, с одной стороны, как объективная категория (в обязательственном праве) – как требование к поведению участников правоотношений, а также как субъективная категория (в вещном праве) – заблуждение субъекта относительно фактических обстоятельств дела.

Так, например, выделялись договоры *bonae fidei* [2], одним из которых являлся договор товарищества (*societas*), где отношения между товарищами должны были основываться на доверии и справедливости.

В вещном праве Л.И. Петражицкий относил к добросовестным владельцам не только лиц, ошибочно считающих себя собственниками, но и тех, кто, вследствие извинительного заблуждения, считал, что ему принадлежит право собственности или иное право на вещь, содержащее в себе право пользования и извлечения доходов [3].

Как мы видим, во-многом данные положения римского права нашли свое отражение в современном гражданском праве, например, в таких понятиях как добросовестный приобретатель, добросовестная сторона договора и т.п.

В дореволюционном российском гражданском законодательстве принцип добросовестности не был закреплен нормативно, но упоминался принцип доброй совести в отношении отдельных видов договоров. Добросовестное владение также не имело такого значения, как в римском праве. Г.Ф. Шершеневич отмечал, что в российском законодательстве это разделение (на добросовестное и недобросовестное владение) оказывало влияние только на объем ответственности незаконного владельца перед собственником имущества [4].

Также в отличие от римского права категория добросовестности в дореволюционном российском праве была ограничена вещным правом. При этом российское право не требовало наличия заблуждения со стороны добросовестного приобретателя. Фактически, незнание субъекта могло возникнуть по его собственной вине, но при этом он все же признавался добросовестным [5].

В рамках настоящей статьи, в первую очередь, будет рассмотрена такая категория как недобросовестный заемщик применительно к правоотношениям, возникающим в банковской деятельности. При этом требования добросовестности заемщика в данном случае можно рассматривать как объективную категорию, т.е. как требование к его поведению в ходе заключения и исполнения договора с банком. Также в определенных случаях можно говорить и о субъективной составляющей

добросовестности заемщика, например, при оспаривании сделок заемщика-банкрота по отчуждению активов.

В современном российском гражданском праве добросовестность относится к одному из принципов (общих начал). Так, на основании Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», принцип добросовестности был закреплен в Гражданском кодексе РФ¹.

Согласно пункту 3 статьи 1 Гражданского кодекса РФ в редакции данного закона, при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. В силу пункта 4 статьи 1 Гражданского кодекса РФ никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения.

Изменения законодателя в статье 1 Гражданского кодекса РФ были восприняты судебной практикой в пункте 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

Согласно данным разъяснениям, оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации.

Поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019, с изм. от 12.05.2020).

В постановлении от 22 июня 2017 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н. Дубовца»¹, Конституционный суд РФ отметил возможность признать добросовестным приобретателя недвижимого имущества, если только из установленных судом обстоятельств дела с очевидностью не следует, что это лицо знало об отсутствии у отчуждателя права распоряжаться данным имуществом или, исходя из конкретных обстоятельств дела, не проявило должной разумной осторожности и осмотрительности, при которых могло узнать об отсутствии у отчуждателя такого права.

Таким образом, можно заключить, что высшие российские судебные инстанции рассматривают добросовестность через такие характеристики как «ожидаемое поведение», «должная разумная осторожность», «осмотрительность».

Также Верховный суд РФ предлагает признавать действия субъекта недобросовестными только при наличии очевидных отклонений в его действиях от добросовестного поведения. Таким образом, в данном разъяснении Верховного суда РФ можно рассмотреть логическую ошибку «определение неизвестного через неизвестное» (определение недобросовестного поведения как отклонения от добросовестного).

Основной сложностью в определении добросовестности в гражданском законодательстве можно назвать то, что добросовестность во многом обусловлена не столько нормами права, сколько нормами морали и нравственности поведения сторон гражданских правоотношений при исполнении своих обязанностей, приобретении, осуществлении и защите прав.

Таким образом, можно выделить две точки зрения относительно сущности добросовестности. Часть исследователей считает, что в сущности данной категории присутствует только интеллектуальный момент (т.е.

1 Постановление Конституционного Суда РФ от 22 июня 2017 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н. Дубовца».

добросовестность указывает на неосознанное нарушение чужих прав)[6, 7, 8]. Другая часть ученых считает, что существо понятия можно отнести к области этики (т.е. оно вытекает из нравственного осознания своего поведения)[9,17].

В связи с указанным в науке в зависимости от места и механизма реализации в праве добросовестность рассматривают в объективном и субъективном смысле.

Определяя действия заемщика как добросовестные или недобросовестные необходимо первоначально установить, что именно представляет собой недобросовестное поведения лица, что отличает недобросовестное поведение от незаконного. Ни российская, ни зарубежная наука до настоящего времени не выработала единого ответа на данные вопросы.

К.И. Скловский пишет, что «исходным для понимания поведения как недобросовестного является положение о том, что недобросовестность имеет место лишь применительно к действиям правомерным»[10].

Говоря об оценке добросовестности либо недобросовестности в поведении того или субъекта гражданских правоотношений, в нашем случае – заемщика, необходимо исследовать критерии добросовестности, т.е. требования к поведению субъекта права, при соблюдении которых его действия можно оценить как добросовестные.

Е.Е. Богданова к таким критериям относит учет законных интересов и разумных потребностей контрагента, без чего действия субъекта будут недобросовестными [11]. В данном случае понимается ситуация, при которой одна из сторон преследует исключительно собственные интересы, игнорируя интересы контрагента, навязывая такое поведение, которое способно причинить другой стороне определенный ущерб или лишить ее разумно ожидаемых выгод. В частности, Л.В. Щенникова определяет добросовестность как уважение и верность принятому обязательству, собственная честность и доверие к чужой честности [12].

В данном случае можно говорить именно об объективном критерии при оценке добросовестности. Определение объективной добросовестности вызывает наиболее значительные разногласия в юридической литературе.

При оценке действий заемщика это может выражаться, например, в предоставлении банку неполных сведений о своем финансовом положении до заключения либо во время действия кредитного договора или совершение действий по «переводу бизнеса» после заключения кредитного договора, передачи активов третьим лицам, перераспределении денежных средств внутри группы лиц. Сами по себе сделки по отчуждению имущества могут не противоречить формальным нормам права, но преследовать одну конечную цель – сокрытие активов.

Как отмечается в литературе «недобросовестное поведение не является нарушением субъективного гражданского права, не является правонарушением. В объективном смысле это не незаконное поведение, и потому в п. 4 ст. 1 ГК РФ закон разделяет и, по сути, противопоставляет незаконное и недобросовестное поведение» [10].

Таким образом, например, предоставление банку заведомо недостоверной финансовой отчетности будет являться, в первую очередь, правонарушением, т.е. заведомо недобросовестным действием.

В то же время при оспаривании сделок заемщика-банкрота по правилам, предусмотренным статьями 61.2, 61.3 Федерального закона от 26 октября 2002г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» учитывается «баланс вероятностей»¹ при определении добросовестности либо недобросовестности должника и его контрагента. В частности, недобросовестность ответчика по иску о признании сделки недействительной предполагается, если он мог понимать, что действует в ущерб правам и интересам кредиторов, пока не будет опровергнута сама эта возможность. Однозначного установления того факта, что ответчик знал о цели причинения вреда, не требуется.

1 См.: Определение Верховного суда РФ от 30 сентября 2019 г. № 305-ЭС16-18600 (5-8).

Следующим критерием добросовестного поведения можно назвать отсутствие у субъекта осведомленности о противоправности своих действий, о предусмотренных законом или договором обстоятельствах. Данный критерий отражает субъективный подход к добросовестности, о котором велась речь ранее. Так, согласно статье 302 Гражданского кодекса РФ приобретатель будет считаться добросовестным, если он не знал и не мог знать о приобретении имущества у неуполномоченного лица. В данном случае объективно действия приобретателя являются противоправными, но при этом он остается честным участником гражданского оборота.

В банковской деятельности с данным критерием чаще всего сталкиваются при оспаривании сделок заемщиком, направленных на отчуждение принадлежащего им имущества третьим лицам, в целях сокрытия данного имущества от взыскателей, а также в случаях отчуждения предметов залога без согласия залогодержателя.

Необходимо отметить, что в литературе недобросовестность зачастую рассматривается через виновность субъекта. Так, В. А. Белов пишет, что «добросовестным может считаться только приобретатель, который приобрел чужую вещь невиновно, т. е. если в его действиях не усматривается ни умысла, ни неосторожности» [13].

Данный подход находит свою, по нашему мнению, справедливую критику. В частности, Е.Е. Богданова указывает, что «виновный субъект с точки зрения общества всегда и недобросовестный, однако недобросовестный может быть и невиновным», поскольку «добросовестность характеризует поведение субъекта применительно к сложившимся в обществе представлениям о нравственности поведения члена общества, субъекта права, что может лишь, в частности, проявляться в факте осведомленности или неосведомленности субъекта о принимаемых во внимание обстоятельствах (знал и мог знать, не знал и не должен был знать)» [11].

Таким образом, приобретатель заложенного имущества, например, движимого имущества, переход права собственности на которое не требует государственной регистрации, при проявлении должной осмотрительности

может быть не осведомлен о нахождении имущества в залоге у банка, в связи с чем должен считаться добросовестным, хотя его действия неправомерны, а залог прекращается (подпункт 2 пункта 1 статьи 352 Гражданского кодекса РФ).

В качестве обратного примера можно привести сохранение у банка права залога в отношении имущества, право собственности на которое перешло к другому лицу (пункт 1 статьи 353 Гражданского кодекса РФ). Так, например, в ситуации, когда банк, проявив должную осмотрительность, предоставил заемщику кредит под залог (ипотеку) принадлежащего заемщику объекта недвижимости, а в дальнейшем сделка, на основании которой заемщик приобрел данное имущество, была оспорена и право собственности на данное имущество перешло к третьему лицу, право залога сохраняется.

В качестве критерия добросовестности выделяют также осуществление гражданских прав и исполнение обязанностей при соблюдении особых условий (например, немедленно, без промедления, проявляя разумную заботливость, оказывая сотрудничество и др.).

Так, нормами Гражданского кодекса РФ о независимой (банковской) гарантии установлено, что гарант после получения требования бенефициара без промедления уведомляет об этом принципала и передает ему копию требования (статья 375 Гражданского кодекса РФ).

При этом непринятие соответствующих мер по исполнению обязательства и предотвращению негативных последствий, по мнению ряда ученых, может рассматриваться как проявление вины субъекта [14]. Другие считают, что в данном случае «вину следует понимать как субъективное условие ответственности, а добросовестность — как соответствие поведения лица нормам морали и нравственности, то есть объективное явление»[11].

Т.Ю. Дроздова предлагает классифицировать критерии добросовестности на объективные и субъективные[5]. К объективным критериям она относит наличие нарушения субъективных прав иных участников правоотношений, «при этом закон должен связывать

установление добросовестности субъекта с наступлением определенных последствий».

С последним утверждением нельзя в полной мере согласиться, поскольку статьей 10 Гражданского кодекса РФ предусмотрена возможность отказа лицу в защите принадлежащих ему прав в любом случае при наличии в его действиях злоупотребления правом, которое по своей сути связано с недобросовестностью субъекта. Таким образом, суды в любом случае, независимо от наличия предписания в законе, должны проверить, в том числе по своей инициативе, добросовестность в действиях субъекта и отказать ему в защите нарушенного права в случае выявления его недобросовестности.

Так, например, в практике по делам о банкротстве заемщиков банки сталкиваются с рассмотрением обособленных споров по требованиям аффилированных к заемщикам кредиторов о включении в реестр требований кредиторов. Данные требования на дату возникновения могут не нарушать прав иных кредиторов должника, при этом с момента принятия заявления такого кредитора о включении в реестр, права всех остальных кредиторов должника будут также затронуты, в связи с чем при рассмотрении данных требований суды должны в любом случае также проверять и добросовестность сторон.

При этом, указывая на связь понятий «недобросовестности» и «злоупотребления» необходимо отметить, что злоупотребление представляется крайней формой недобросовестности.

Также считаем необходимым отметить следующий момент относительно добросовестности либо недобросовестности заемщика – это невозможность нормативной конкретизации данного принципа в полном объеме. Принцип добросовестности закрепляется в конкретных нормах гражданского права, например, в статьях ст. 157, 220, 302 Гражданского кодекса РФ и иных, но при этом данные нормы не содержат определенных правил, описывающих, в чем именно состоит добросовестное или недобросовестное поведение, в связи с чем суды всегда будут должны обращаться к доброй совести, исходя из фактических обстоятельств дела.

В связи с указанным К.И. Скловский делает вывод о том, что «иного способа конкретизации принципа, кроме накопления судебной практики, не имеется» [10]. Применение на практике принципа добросовестности означает постепенное движение в сторону процентной системы права. Использование данного принципа возможно в случаях, когда отсутствует прямое нормативное регулирование, но из существа отношений и фактических обстоятельств дела очевидно явное злоупотребление субъектом своими правами либо нарушение баланса интересов сторон спора.

Можно поддержать выводы В.И. Емельянова о «нецелесообразности, а во многих случаях невозможности нормативного закрепления точных границ субъективных прав и обязанностей участников гражданских правоотношений» [16].

Таким образом, недобросовестность в действиях заемщиков может рассматриваться в субъективном и объективном ключе. В субъективном – как незнание субъекта о каких-либо обстоятельствах, с которым закон связывает определенные правовые последствия. Чаще всего банки сталкиваются с данной категорией при оспаривании сделок своих недобросовестных заемщиков по отчуждению принадлежащего им имущества. Так, приобретатели этого имущества вполне могут являться добросовестными.

Объективная добросовестность представляет собой, в первую очередь, принцип гражданского права, основное начало всего гражданского законодательства. Добросовестность в объективном значении не конкурирует с категорией невиновности, так как характеризует объективную сторону поведения лица - его правомерность. При таком понимании добросовестность является самостоятельным и объективным критерием оценки поведения заемщика в качестве надлежащего, наряду с закрепленными в законе требованиями. Объективная добросовестность не подменяет собой субъективную оценку, отражающую отношение лица к своему поведению. Недобросовестное поведение заемщика может быть как осознанным, то есть заведомо недобросовестным (пункт 1 статьи 10 Гражданского кодекса РФ), так и не осознанным.

В отношениях с заемщиками, в первую очередь, коммерческими организациями главным назначением данного принципа будет недопущение их недобросовестного поведения и, как следствие, невозможности заемщика воспользоваться какими-либо выгодами при условии, если будет доказано наличие в его действиях признаков злоупотребления своими правами и осведомленности об этом.

Литература

1. Карташов В.Н. Принципы права: понятие, структуры, функции // Юридические записки Ярославского гос. ун-та им. П.Г. Демидова. Принципы права. Вып. 10. Ярославль, 2006.
2. Черниловский З.М. Римское частное право: Элементарный курс.
3. Петражицкий Л.И. Права добросовестного владельца на доходы с точек зрения догмы и политики гражданского права. - СПб., Склад издания в юридич. книжном магазине Н. И. Мартынова, 1902.
4. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). - М.: СПАРК, 1995.
5. Дроздова Т.Ю. Добросовестность в российском гражданском праве: Автореф. дис. канд. юрид. наук. – М., 2005.
6. Амфитеатров Г. Н. Вопросы виндикации в советском праве//Советское государство и право. 1941. № 2.
7. Скловский К.И. Применение норм о доброй совести в гражданском праве России//Хозяйство и право. 2002. № 9.
8. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т./Отв. ред. Е.А. Суханов. - М., 2010. Т. 1.
9. Толстой Ю.К. Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1955. С. 95;.
10. Скловский К.И. Сделка и ее действие. Комментарий главы 9 ГК РФ. Принцип добросовестности. 4-е изд., доп. - М.: Статут, 2019.
11. Богданова Е.Е. Критерии добросовестного поведения в договорных отношениях//Гражданское право. 2013. № 4.
12. Щенникова Л.В. Принципы гражданского права: достижения цивилистики и законодательный эффект//Гражданско-правовые записки: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2. - М.: Статут, 2002.
13. Белов В. А. Защита интересов добросовестного приобретателя ценной бумаги//Законодательство. 1997. № 6.
14. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: общие положения (книга 1). - М.: Статут, 2001.

15. Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. - М., 1984.
16. Емельянов В.И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. - М., 2002.
17. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. Изд.2-е, стереотип. - М: Статут, 2001

References

1. Kartashov, V.N. (2006). Printsipy prava: ponyatie, struktury, funktsii [Principles of law: concept, structure, function]. *Yuridicheskie zapiski Yaroslavskogo gos. un-ta im. P.G. Demidova. Printsipy prava* (10).
2. Chernilovskiy, Z.M. *Rimskoe chastnoe pravo: Elementarnyy kurs*.
3. Petrazhitskiy, L.I. (1902). *Prava dobrosovestnogo vladel'tsa na dokhody s toчек zreniya dogmy i politiki grazhdanskogo prava* [The rights of a bona fide owner to income from the point of view of dogma and civil law policy]. Spb: Sklad izdaniya v yuridich. knizhnom magazine N. I. Martynova.
4. Shershenevich, G.F. (1995). *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava (po izdaniyu 1907 g.)* [Russian civil law textbook (published in 1907)]. Moscow: SPARK.
5. Drozdova, T.Yu. (2005). *Dobrosovestnost' v rossiyskom grazhdanskom prave: Avtoref. dis. kand. yurid. Nauk* [Conscientiousness in Russian civil law: Author's abstract. dis. Cand. jurid. sciences]. Moscow.
6. Amfiteatrov, G.N. (1941). *Voprosy vindikatsii v sovetskom prave* [Vindication issues in Soviet law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* (2).
7. Sklovskiy, K.I. (2002). *Primenenie norm o dobroy sovesti v grazhdanskom prave Rossii. Khozyaystvo i pravo* (9).
8. Sukhanov, E.A. (Otv. Red). (2010). *Rossiyskoe grazhdanskoe pravo: Uchebnik: V 2 t.* [Russian civil law: Textbook: In 2 volumes] T. 1 . Moscow.
9. Tolstoy, Yu.K. (1955). *Soderzhanie i grazhdansko-pravovaya zashchita prava sobstvennosti v SSSR* [Content and civil protection of property rights in the USSR]. Leningrad: Izd-vo LGU.
10. Sklovskiy, K.I. (2019). *Sdelka i ee deystvie. Kommentariy glavy 9 GK RF. Printsip dobrosovestnosti. 4-e izd., dop.* [The deal and its action. Commentary on Chapter 9 of the Civil Code of the Russian Federation. The principle of good faith. 4th ed., Add]. Moscow: Statut.
11. Bogdanova, E.E. (2013). *Kriterii dobrosovestnogo povedeniya v dogovornykh otnosheniyakh* [Criteria for conscientious conduct in contractual relations]. *Tsivilist* (4).
12. Shchennikova, L.V. (2002). *Printsipy grazhdanskogo prava: dostizheniya tsivilistiki i zakonodatel'nyy effekt* [Principles of Civil Law: Achievements of Civil Law and Legislative Effect]. *Tsivilisticheskie zapiski: Mezhevuzovskiy sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 2.* [Civilian Notes: Interuniversity Collection of Scientific Papers. Issue 2]. Moscow: Statut.
13. Belov, V.A. (1997). *Zashchita interesov dobrosovestnogo priobretatelya tsennoy bumagi* [Protection of the interests of a bona fide purchaser of a security]. *Zakonodatel'stvo* (6).
14. Braginskiy, M.I. & Vitryanskiy, V.V. (2001). *Dogovornoe pravo: obshchie polozheniya (kniga 1)* [Contract Law: General Provisions (Book 1)]. Moscow: Statut.

15. Puginskiy, B.I. (1984) *Grazhdansko-pravovye sredstva v khozyaystvennykh otnosheniyakh* [Civil law remedies in economic relations]. Moscow.
16. Emel'yanov, V.I. (2002). Razumnost', dobrosovestnost', nezloupotreblenie grazhdanskimi pravami [Reasonableness, conscientiousness, non-abuse of civil rights]. Moscow.
17. Gribanov, V. P. (2001). *Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskikh prav. Izd.2-e, stereotip.* [Implementation and protection of civil rights. Edition 2, stereotype]. Moscow: Statut.